

УДК: 94(37).08

ББК: 85.103(0)32

А43

DOI: 10.18688/aa177-1-15

А.Д.Пантелеев

От преступников к мученикам: изображения казни в искусстве Римской империи¹

Система игр в эпоху Римской империи была сложным, хорошо отлаженным механизмом, обеспечением работы которого занималось множество профессионалов [16, р. 184–241; 17, р. 578–589]. Эти представления не просто развлекали невзыскательный и кровожадный плебс, они занимали важное место в социальной жизни древнего Рима. Как правило, день, когда давались кровавые зрелища, делился на три части: травля зверей с утра, казнь преступников днем, гладиаторские бои вечером, и каждая из них имела свое значение [20, р. 66–67; 22, р. 90]. В настоящее время общепризнанно, что арена была публичным пространством, где конституировались и выражались в действиях религиозные и политические представления общества [11, р. 1–33]. Так, М. Клавель-Левек продемонстрировала, что римские игры имели не только религиозное или культурное значение, но действовали как важный институт поддержки единства римского общества [9]; П. Пласс рассматривал арену как место создания и сохранения социального порядка [19]; Э. Гундерсон показал, что во время зрелищ находили отражение все основные темы римской власти: социальная стратификация, политический театр, преступление и наказание, демонстрация мощи цивилизации и империи, принижение женщины и возвеличивание мужчины [13]. Часто такие зрелища были приурочены ко дню рождения императора, годовщине его восшествия на престол или другим праздникам, связанным с императорским культом.

Распределение зрительских мест во время игр отображало социальную и гендерную иерархию, появление императора на представлениях делало его власть видимой и доступной для народа, пленники и звери из разных уголков империи демонстрировали мировое господство Рима. Казни в этой системе зрелищ подчеркивали неотвратимость наказания преступников, торжество римского закона и восстановление справедливости. Часто казнь превращалась в настоящий перформанс, представляя то мифологическим мимом, в конце которого актер заменялся преступником и его сжигали или бросали на растерзание зверям [3, с. 345–356], то в виде реконструкций сухопутных или морских баталий прошлого [4, с. 79]. Впервые с этим мы встречаемся в конце 30-х годов I в. до н. э., когда знаменитый сицилийский разбойник Селур был помещен на высокий помост, под которым находились хищные звери, и этот помост внезапно разрушился

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01260 «Раннехристианская агиография в контексте позднеантичной культуры».

(Strabo, VI, 273). Этот эпизод очень хорошо отражает связь между римским судом и театром. Казнь как часть театрализованного представления получает распространение со времени Нерона. Мы обратимся к изучению отражения боев зверей и подобных казней в изобразительной и литературной традиции и роли этой визуальной репрезентации в формировании римской идентичности преимущественно на материале керамики и мозаик, обнаруженных в Северной Африке.

Описание казней преступников во время игр встречается у многих авторов императорского времени — Тита Ливия, Страбона, Валерия Максима, Марциала, Ювенала, Светония, Тацита, Диона Кассия и др. [21, р. 412–421]. Эти тексты позволяют нам узнать, что такие зрелища были частым явлением, распространенным и на Западе, и на Востоке, проследить их историю и эволюцию. Затем, они показывают, как проходили эти казни, и сообщают множество красочных деталей, вроде того, как однажды преступник, избивавший Икара, разбился у самых ног Нерона, забрызгав его кровью (Suet. Nero, 12), или то, что в связанных с *crematio* мимах, посвященных Гераклу или Сцеволе, использовались особые смолённые рубахи (Mart., IV, 86; X, 25; Juv., 235). Кроме того, рассказы о публичных казнях можно найти в христианских агиографических текстах. Это «Мученичество Поликарпа», «Мученичество Карпа, Папила и Агатоники», рассказ о лионских мучениках, сохраненный Евсевием (HE, V, 1–3), «Страсти Перпетуи и Фелицитаты», «Мученичество Пиония» и многие другие. Иногда повествование о казни святых показывает такое знание реалий амфитеатра автором или редактором, которое мы с трудом могли бы ожидать от христианина. Так, в «Страстях Перпетуи и Фелицитаты» мы встречаем рассказ о традиции последнего ужина приговоренных к смерти, детальное описание амфитеатра и арены, где упоминаются ворота Жизни и Смерти (Pass. Perp., 18, 4) и находящиеся на арене помост — *pulpitum* и мост — *pons* (Pass. Perp., 19, 3; 19, 6), не забыты и служители и гладиаторы, присутствовавшие во время казни.

Кроме античной и раннехристианской литературной традиции, в нашем распоряжении имеется большая группа артефактов с изображениями сцен казней преступников. Это, в первую очередь, знаменитые североафриканские мозаики из Злитена и Эль-Джема (Илл. 25). На первой из них мы видим как вооруженных гладиаторов-бестиариев, сражающихся с дикими зверьми, так и тех, кто был приговорен к растерзанию зверьми. Их привезли на специальной колеснице, изображенной здесь же, практически обнаженными, они привязаны к столбам и на них служители специально натравливают животных. Эта мозаика дошла в поврежденном состоянии, на утраченных фрагментах, возможно, были изображены надсмотрщик с хлыстом, направляющий пантеру или леопарда на привязанного преступника, сцена растерзания также привязанного приговоренного к смерти медведем и бык, поднявший тело на рога [6, р. 196–197]. В центре мозаики из тунисского Эль-Джема, обнаруженной в так называемом *Sollertiana Domus*, изображен четырехугольный эшафот, украшенный по углам трофеями. Его окружают различные сцены, в которых принимают участие приговоренные к смерти со связанными за спиной руками и служители, подталкивающие их к хищникам. Другие памятники с подобного рода изображениями перечисляет Анневис ван ден Хук [15, р. 412–416].

Если созерцанием подобных мозаик могли наслаждаться только жители villae и их гости, принадлежащие к тому же кругу, то вторая группа памятников — керамика с изображениями казней преступников — была доступна и широкой публике. Впервые подобные изображения встречаются еще во время ранней империи. На светильнике первой половины I в. н.э. из Британского музея мы видим осужденного, которого терзают хищники², на лампе, датирующейся 50–70 гг., медведь раздирает преступника, есть набор изображений такого рода из Галлии II в. и других регионов [15, р. 426–427]. Хорошие образцы подобных изделий — многочисленные африканские красноглиняные лощеные и ангобированные сосуды, чаши и светильники (Илл. 26). Большая их часть датируется IV–V вв. н.э., первые экземпляры появляются еще до начала правления Константина Великого, они производятся во время вандальского господства и в византийский период [14]. Особенность этих сосудов — сравнительно тусклый красно-оранжевый глянec, отличающий их от так называемой краснолаковой керамики — похожих изделий, произведенных в Малой Азии, Италии и Галлии. Они декорированы рельефными штампованными изображениями и орнаментом; некоторые из образцов встречаются в единственном экземпляре, некоторые — неоднократно [15, р. 418].

Изображения на керамических изделиях часто перекликаются со сценами игр и казней, которые мы видим на мозаиках. Здесь представлены магистраты, распоряджающиеся представлениями, бестиарии, сражающиеся с хищниками, всевозможные дикие звери и птицы — гепарды, медведи, даже страусы, наконец встречаются и привязанные к столбам приговоренные к смерти, к которым устремляются или разрывают их на части хищники. Многие сцены мозаик и керамики повторяются, например медведь, терзающий привязанного преступника, поднимающий тело на рога бык, зверь с обломком копья в боку и др. Как и в мозаиках, приговоренных без труда можно отличить от гладиаторов или слугителей арены: одни предстают практически обнаженными, вторые — в доспехах. Существуют несколько основных вариантов композиции, которые могут несущественно отличаться: животные оказываются то вдали от жертв, то рядом с ними, иногда зверь поворачивает голову в сторону от преступника, как будто его что-то отвлекло. Штампы детально проработаны, и мы можем рассмотреть многие детали, например крюк на вершине столба (возможно, к нему крепились веревки, которыми были связаны преступники), или помост, на котором стоял столб. Иногда этот помост был украшен какими-то орнаментами и гирляндами; его можно соотнести с уже упоминавшимися *pulpitum* или *pons* из «Страстей Перпетуи» или с *carnarium* из «Сатирикона» (Petr. Sat., 45, 6). Особо стоит отметить, что на этих сосудах, как и на мозаиках, отсутствуют другие виды казней, которым подвергались люди низких сословий (*humiliores*), — распятие и сожжение; мы видим только сцены, связанные с осужденными *ad bestias* [15, р. 421]. Чем же можно объяснить столь большую популярность этих изображений?

² На серебряном ритоне, предположительно происходящем из Северного Причерноморья и относящемся к тому же времени, можно увидеть очень похожую сцену [15, р. 427]. Возможно, это простое совпадение, и изображение на ритоне стоит интерпретировать как поражение охотника в борьбе с хищником. В любом случае, надо помнить, что крупные кошачьи хищники, подобные изображенным, не обитали в этом регионе, и этот сюжет был откуда-то заимствован. В Херсонесе и на Боспоре игры с этими зверями археологическими данными не засвидетельствованы.

Первый тип рассмотренных объектов — высокочлассные мозаики с изображениями игр — несомненно, заказывались представителями местной знати в память о зрелищах, которые они устраивали. Часто они сопровождались памятными надписями, как, например, мозаика Магерия, найденная на вилле в Смирате (совр. Тунис). В центре композиции изображен, возможно, сам хозяин дома, выносящий поднос с деньгами, причем на мешках указаны даже суммы [7, р. 165–177]. Как и гладиаторские бои, эти зрелища были весьма дорогостоящими предприятиями, и свидетельства о них должны были подчеркивать высокий статус, богатство и щедрость хозяина и его готовность оказать услугу согражданам. Возможно, что изначально коммеморативную функцию несли и изображения на керамике. Мы полагаем, что первые выпуски такой посуды были связаны с играми, которые проводились в Риме или крупных городах в провинциях; эти сосуды относились не к самым массовым и дешевым типам, но были вполне доступны для большинства жителей империи. Они позволяли любоваться и вспоминать происходившее на арене после окончания игр, а кроме того, демонстрировали гостям и домашним, что отец семьи побывал на них. Позже эти сюжеты обрели такую популярность, что перестали быть «сувенирами» к случаю, а превратились в самостоятельный изобразительный тип. К слову, такого рода воспоминания об играх мы находим и в других видах искусства, например в VII буколике поэта I в. н. э. Кальпурния, где пастух Коридон рассказывает о представлении, устроенном Нероном в амфитеатре. Там были представлены морское сражение, гладиаторы и звери «всякого рода» — лоси, кабаны, разнообразнейшие быки, медведи и прочие [1].

В основе популярности и изображений такого рода, и самих кровавых игр лежала римская любовь к жестокости. Современные исследователи ищут причины этого явления в самых разных сферах; нам ближе всего позиция Г. Фагана: «Насилие было неотъемлемой частью римского закона, особенно по отношению к нижестоящим членам общества... Обладая милитаристской и имперской культурой, римляне усвоили и даже приветствовали идеологию доминирования с опорой на насилие» [12, р. 27]. Эта идеология нашла отражение и в произведениях изобразительной культуры, окружавшей римлян и в общественном, и в домашнем пространстве [8, р. 180–211; 10, р. 103–114]. Тем не менее, вслед за А. Д. Ноком, отметим, что было бы «большой ошибкой полагать, что обычный житель Римской империи был развращенным и жестоким злодеем, проводящим свою жизнь между борделем и пьянством и время от времени, когда ему скучно, пытающим раба» [2, с. 234]. Жестокость и насилие были ограничены законом и поставлены на службу империи. Убийство было допустимо только с санкции местных властей, и оно происходило по приговору суда или на играх.

Еще один вопрос, на котором нужно остановиться, состоит в том, почему популярны оказались именно изображения боев животных и казни *ad bestias*, а, скажем, не гладиаторские бои? В первые два века сцены с гладиаторами встречаются не менее, а может быть, и более часто, чем изображения животных, однако в III в. они отходят на второй план, а позже вовсе исчезают. Как кажется, причиной этого была не гуманизация римского общества и даже не победа христианства при Константине, а то, что эти игры были очень дороги. Уже в середине II в. Марк Аврелий пытается уменьшить расходы устроителей игр. Был принят *senatus consultum de pretiis gladiatorum minuendis* — постановление

сената, которое позволило провинциям покупать гладиаторов по низким ценам (CIL 2, 6278 = ILS 5163)¹⁴³. Это облегчало бремя, ложившееся на тех, кто давал игры в амфитеатрах. Особенно из-за этой дороговизны страдали жрецы императорского культа: «Был некто, кто оплакивал свою судьбу, будучи избран жрецом, и искал себе помощи в обжаловании принцепсам» (CIL 2, 6278, I, 16). Однако после этого постановления он «сам первый и по совету друзей <сказал>: зачем мне теперь апелляция? Все бремя, которое давило на мое состояние, сняли святейшие императоры; я уже хочу и жажду быть жрецом, и стремлюсь устраивать <гладиаторские> игры, которые мы некогда ненавидели» (I, 17–18; пер. Е. М. Штаерман). Позже, в III в., появляются особые указания наместникам провинций, чтобы они отправляли в Рим всех заключенных, обладавших большой силой и борцовскими умениями, для потехи императора и народа (D 48, 19, 31) [5, с. 83]. Все меньше провинциалов могло устроить такое зрелище, и место гладиаторских боев заняли игры с хищниками, а с усугублением кризиса наиболее дорогие звери — крупные кошачьи хищники — могли заменяться на более дешевых местных медведей или быков. Это были единственные доступные игры, и вполне естественно, что их изображения были так распространены.

Так как большинство сосудов из Северной Африки датируется IV–V вв., возникает соблазн предположить, что на них изображены сцены мученичества первых христиан. В поддержку этого предположения можно привести несколько примеров параллелей между агиографическими текстами, прежде всего теми же «Страстями Перпетуи», оказавшими несомненное воздействие на последующие сочинения [18, р. 139–153; 5, с. 243], и некоторыми сценами на керамике. Так, бык, поднявший осужденного на рога, напоминает сцену казни самой Перпетуи: «Женщинам же вопреки установленному обычаю дьявол приготовил очень свирепую корову, подобрав животное в соответствии с их полом... Корова первой швырнула Перпетую, и та упала на спину» (Pass. Perp., 20), леопард, убивающий приговоренного, — вызывает в памяти сообщение о смерти Сатурна: «И в конце представления на него сразу же накинулся леопард, и от одного укуса у него... хлынула кровь» (Pass. Perp., 21), а мученики Сатурнин и Ревокат сталкиваются с леопардом и медведем (Pass. Perp., 19). В Галлии подобные сцены могли напоминать казнь знаменитых лионских мучеников (177 г.). При всей привлекательности подобной гипотезы нужно признать, что против нее есть серьезные возражения. А. ван ден Хук справедливо указывает, что, во-первых, система римских казней не претерпела особых изменений ни при Константине, ни после него. Только в 365 г. появляется закон, согласно которому христиане не могут быть осуждены *ad bestias*, в то время как для остальных это наказание сохраняется (СTh, 9, 40, 8). Мы встречаем указания на эту практику еще в VI в. Во-вторых, эти сцены остаются практически неизменными с I–II по V–VI вв., и понять, в какой именно момент осужденный преступник превращается в мученика, невозможно. В-третьих, христианское искусство этого времени практически не дает изображений казней мучеников, эти сюжеты обретают популярность лишь в Средневековье [15, р. 430–432]. Более того, к V столетию в Северной Африке складывается круг сюжетов, встречающихся на керамике, безусловно относящихся к христианству: это чудесное спасение Феклы, спутницы апостола Павла, Иона, Авраам и Исаак и другие образы, символизирующие освобождение и чудесное спасение, посланное Богом. Самую

близкую параллель к казни *ad bestias* дают «Деяния Павла и Феклы», где рассказывается о том, как Фекла избежала на арене смерти от сухопутных и морских зверей (Acta Pauli et Thecla, 27–36). Но Феклу легко опознать: она стоит в позе молящейся, а львы сидят по бокам от нее, не пытаясь укусить или поранить. Наконец, нужно помнить, что Фекла не стала мученицей — она избежала смерти на арене, а о ее смерти мы ничего не знаем. Все эти моменты специально подчеркиваются в исследовании А. ван ден Хук и Дж. Хермана, посвященном иконографии Феклы [15, p. 65–106].

Не ставя под сомнение развернутую и стройную авторскую аргументацию, мы все же рискуем предположить, что определенное переосмысление этих образов могло произойти. Это относится в первую очередь не к крупным городам вроде Карфагена, Утики или Цирты, а к глубинке, причем переосмысление носило не всеобщий, а спорадический характер. Именно там далекие от городской культуры крестьяне, недавно принявшие христианство, могли решить, что на этих чашах, блюдах и светильниках изображены святые. Нам это предположение не кажется совсем уж маловероятным, достаточно вспомнить, что подобные ошибки происходят и в наше время — чего только стоит недавняя история о пожилой женщине из Бразилии, которая несколько лет молилась пластиковой фигурке правителя эльфов Элронда из «Властелина колец», считая его святым Антонием.

Затем, некоторые мастера могли решить не усложнять себе жизнь и пойти простым путем, добавив несколько элементов к старому штампу, чтобы придать ему новый смысл. Нам известна любопытная североафриканская чаша, датирующаяся IV–V вв., из собрания музея в Майнце (Илл. 27) [15, p. 104–105]. На ней изображена человеческая фигура (мужчина или женщина, не понятно), сидящая на кресле и держащая в обеих руках большой венок; к ней устремляются лев и пантера. Этот человек облачен в какую-то обувь и короткую тунуку, которую мы встречаем на сосудах с изображением казней. Очевидно, что венок и трон служат символами победы, которую он в каком-то смысле одержал над зверьми. К сожалению, мы не можем точно определить, является ли изображенный человек мучеником, библейским персонажем, например Даниилом, спасшимся из львиного рва, или удачливым гладиатором-венатором, но этот пример хорошо показывает, как могли быть модифицированы старые сюжеты для того, чтобы соответствовать изменившимся вкусам публики.

Таким образом, эти изображения сцен на арене возникают для того, чтобы напоминать об играх, устройством или зрителем которых был их обладатель. Кроме того, с одной стороны, они подспудно попадали в резонанс с римской любовью к жестокости и насилию, а с другой — сама отсылка к играм напоминала о допустимости насилия только с санкции государства. Еще раз напомним, что большие игры часто были приурочены к праздникам, связанным с культом императора, и эти изображения напоминали о величии правящей династии. Наконец, с усилением роли христианства в римском обществе основными видами зрелищ оказались игры с участием животных и скачки. Некоторые же простоватые христиане могли решить, что на изображениях представлена казнь мучеников, и часть этих сюжетов со временем перешла в арсенал христианского искусства.

Литература

1. Звагольская А. К. Об одном пассаже Кальпурния // Мнемон. Исследования и публикации по истории древнего мира. — Вып. 14. — 2014. — С. 377–386.
2. Нок А. Д. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина / Пер. с англ., ред. А. Д. Пантелеев. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2011. — 352 с.
3. Пантелеев А. Д. Римские мифологические мимы и христиане // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. — Вып. 7. — 2008. — С. 345–356.
4. Пантелеев А. Д. Христианское мученичество в контексте римских зрелищ // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 2. — С. 75–89.
5. Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / Ред. А. Д. Пантелеев. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. — 384 с.
6. Aurigemma S. I mosaici di Zliten. — Roma: Società editrice d'arte illustrata, 1926. — 309 p.
7. Bomgardner D. The Magerius Mosaic Revisited // Roman Amphitheatres and Spectacula: A 21st-century Perspective: Papers from an International Conference Held at Chester, 16th–18th February 2007 / Ed. T. Wilmott. — Oxford: Archaeopress, 2009. — P. 165–177.
8. Brown S. Death as Decoration: Scenes from the Arena in Roman Domestic Mosaics // Pornography and Representation in Greece and Rome / Ed. A. Richlin. — New York: Oxford University Press, 1992. — P. 180–211.
9. Clavel-Lévêque M. L'espace des jeux dans le monde romain: hégémonie, symbolique et pratique sociale // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. — Bd. II. 16.3. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1986. — P. 2405–2563.
10. Cutler A. The Violent Domus: Cruelty, Gender and Class in Roman Household Possessions // The Art of Citizens, Soldiers and Freedmen in the Roman World / Eds. E. D'Ambra, G. P. R. Métraux. — Oxford: Archaeopress, 2006. — P. 103–114.
11. Epplett C. Spectacular Executions in the Roman World // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World / Eds. P. Christesen, D. G. Kyle. — Malden; Oxford: Wiley Blackwell, 2014. — P. 520–532.
12. Fagan G. G. The Lure of the Arena. Social Psychology and the Crowd at the Roman Games. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 362 p.
13. Gunderson E. The Ideology of the Arena // Classical Antiquity. — 1996. — Vol. 15. — P. 113–151.
14. Herrmann J., Hoek A. van den. Light from the Age of Augustine: Late Antique Ceramics from North Africa (Tunisia). — Cambridge, MA: Harvard Divinity School, 2002. — 100 p.
15. Hoek A. van den, Herrmann J. J. Pottery, Pavements, and Paradise: Iconographic and Textual Studies on Late Antiquity. — Leiden; Boston: Brill, 2013. — 582 p.
16. Kyle D. G. Spectacles of Death in Ancient Rome. — London; New York: Routledge, 1998. — 288 p.
17. MacLean R. People on the Margins of Roman Spectacle // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World / Eds. P. Christesen, D. G. Kyle. — Malden; Oxford: Wiley Blackwell, 2014. — P. 578–589.
18. Meslin M. Vases sacrés et boissons d'éternité dans les visions des martyrs africains // Epektasis: Mélanges patristiques offerts au Cardinal Jean Daniélou. — Paris: Beauchesne, 1972. — P. 139–153.
19. Plass P. The Game of Death in Ancient Rome: Arena Sport and Political Suicide. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1995. — 283 p.
20. Potter D. Martyrdom as Spectacle // Theater and Society in the Classical World / Ed. R. Scodel. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. — P. 53–88.
21. Torlone Z. Writing Arenas: Roman Authors and Their Games // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World / Eds. P. Christesen, D. G. Kyle. — Malden; Oxford: Wiley Blackwell, 2014. — P. 412–421.
22. Wiedemann T. Emperors and Gladiators. — London; New York: Routledge, 1992. — 198 p.

Название статьи. От преступников к мученикам: изображения казни в искусстве Римской империи.

Сведения об авторе. Пантелеев Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. a.panteleev@spbu.ru

Аннотация. В статье анализируются изображения сцен римских игр с участием диких животных на керамике и мозаиках I–V вв. н. э., преимущественно из Северной Африки. Эти сцены изображают как

травлю зверей (*venatio*), так и публичные казни преступников, бывшие составной частью этих игр. При анализе популярности этих сюжетов автор приходит к выводу о том, что тщательно отделанные мозаики из Злитена или Эль-Джема были направлены на прославление хозяина дома, выступившего организатором или спонсором городских игр. Возможно, что сцены на керамике изначально также выполняли коммеморативную функцию, но со временем превратились в самостоятельный изобразительный тип. В основе популярности и этих мозаик, и керамики, и самих кровавых игр лежала римская любовь к жестокости. Сосуды с подобными изображениями, датирующиеся IV–V вв., не должны связываться с культом мучеников, они по-прежнему изображают казни преступников, однако некоторые малообразованные верующие могли полагать, что на них изображены страсти святых.

Ключевые слова: Римская империя; керамика; мозаика; казнь; римские игры; раннее христианство.

Title. From Criminals to Martyrs: Images of Executions in the Art of the Roman Empire.

Author. Pantelev, Aleksey Dmitrievich — Ph. D., associate professor. Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. a.pantelev@spbu.ru

Abstract. The article analyzes scenes from Roman games with wild animals presented on pottery and mosaics (mainly from North Africa; 1st–5th centuries AD). These images show animal chase (*venatio*) and public executions of criminals, which were an integral part of these games. Analysing the popularity of these scenes we come to a conclusion that the highly elaborated mosaics from Zliten or El Djem were focused on glorification of the home owner, who had either organized, or sponsored urban games. It is possible that the images on ceramics initially might also have performed commemorative function, but eventually turned into an independent pictorial type. Roman love for cruelty was the main reason for the popularity of these images. One should not link vessels with such images, dating from 4th–5th centuries with the cult of martyrs. They still represented execution of criminals, but some illiterate persons could believe that they depicted martyrdom scenes.

Keywords: Roman Empire; pottery; mosaics; death penalty; Roman games; Early Christianity.

References

- Aurigemma S. *I mosaici di Zliten (Mosaics of Zliten)*. Rome, Società editrice d'arte illustrata Publ., 1926. 309 p. (in Italian).
- Bomgardner D. The Magerius Mosaic Revisited. *Roman Amphitheatres and Spectacula: A 21st-century Perspective. Papers from an International Conference Held at Chester, 16th–18th February 2007*. T. Wilmott (ed.). Oxford, Archaeopress Publ., 2009, pp. 165–177.
- Brown S. Death as Decoration: Scenes from the Arena in Roman Domestic Mosaics. *Pornography and Representation in Greece and Rome*. A. Richlin (ed.). New York, Oxford University Press, 1992, pp. 180–211.
- Clavel-Lévêque M. L'espace des jeux dans le monde romain: hégémonie, symbolique et pratique sociale. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (Ascent and Decline of the Roman World)*, vol. II. 16.3. Berlin; New York, Walter de Gruyter Publ., 1986, pp. 2405–2563 (in French).
- Cutler A. The Violent Domus: Cruelty, Gender and Class in Roman Household Possessions. *The Art of Citizens, Soldiers and Freedmen in the Roman World*. E. D'Ambra; G. P. R. Métraux (eds.). Oxford, Archaeopress Publ., 2006, pp. 103–114.
- Epplert C. Spectacular Executions in the Roman World. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World*. P. Christesen; D. G. Kyle (eds.). Malden; Oxford, Wiley Blackwell Publ., 2014, pp. 520–532.
- Fagan G. G. *The Lure of the Arena. Social Psychology and the Crowd at the Roman Games*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2011. 362 p.
- Gunderson E. The Ideology of the Arena. *Classical Antiquity*, 1996, vol. 15, pp. 113–151.
- Herrmann J.; Hoek A. van den. *Light from the Age of Augustine: Late Antique Ceramics from North Africa (Tunisia)*. Cambridge, MA, Harvard Divinity School Publ., 2002. 100 p.
- Hoek A. van den; Herrmann J. J. *Pottery, Pavements, and Paradise: Iconographic and Textual Studies on Late Antiquity*. Leiden; Boston, Brill Publ., 2013. 582 p.
- Kyle D. G. *Spectacles of Death in Ancient Rome*. London; New York, Routledge Publ., 1998. 288 p.
- MacLean R. People on the Margins of Roman Spectacle. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World*. P. Christesen; D. G. Kyle (eds.). Malden; Oxford, Wiley Blackwell Publ., 2014, pp. 578–589.
- Meslin M. Vases sacrés et boissons d'éternité dans les visions des martyrs africains. *Epektasis. Mélanges patristiques offerts au Cardinal Jean Daniélou*. Paris, Beauchesne Publ., 1972, pp. 139–153 (in French).

Nock A.D. *Obrashhenie. Staroe i novoe v religii ot Aleksandra Velikogo do Blazhennogo Avgustina* (Conversion. *The Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo*). A.D. Panteleev (transl.). Saint Petersburg, Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2011. 352 p. (in Russian).

Panteleev A. D. Christian Martyrdom in the Context of Roman Spectacles. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (Problems of History, Philology and Culture), 2014, vol. 2, pp. 75–89 (in Russian).

Panteleev A. D. (transl.; ed.). *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovaniia* (Early Martyr Acts. Translations. Comments. Research). Saint Petersburg, Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2017. 384 p.

Panteleev A. D. From Mimes into Martyres: Stories about Conversion of the Roman Actors. *Mnemon. Issledovaniia i publikatsii po antichnoi istorii* (Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World), 2013, vol. 13, pp. 389–403 (in Russian).

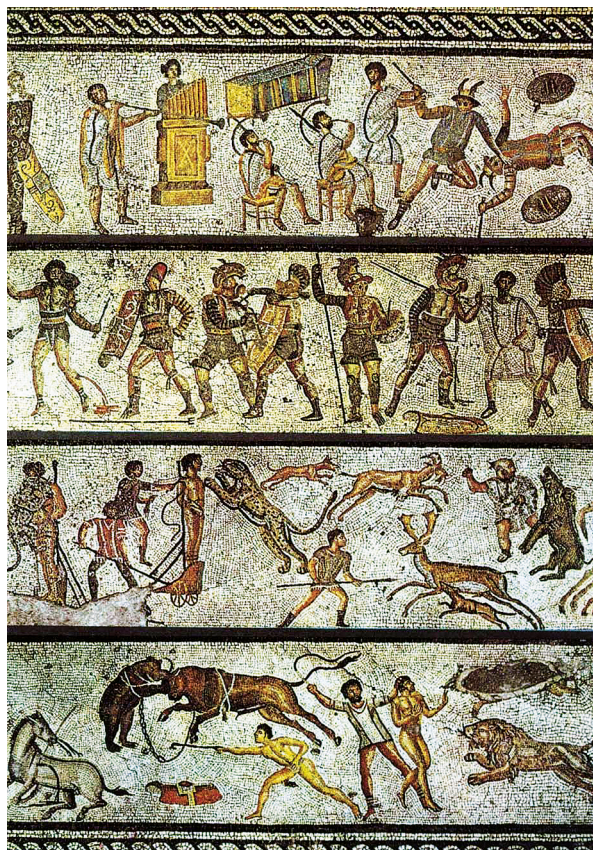
Plass P. *The Game of Death in Ancient Rome: Arena Sport and Political Suicide*. Madison, The University of Wisconsin Press Publ., 1995. 283 p.

Potter D. Martyrdom as Spectacle. *Theater and Society in the Classical World*. R. Scodel (ed.). Ann Arbor, University of Michigan Press Publ., 1993, pp. 53–88.

Torlone Z. Writing Arenas: Roman Authors and Their Games. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World*. P. Christesen; D. G. Kyle (eds.). Malden; Oxford, Wiley Blackwell Publ., 2014, pp. 412–421.

Wiedemann T. *Emperors and Gladiators*. London; New York, Routledge Publ., 1992. 198 p.

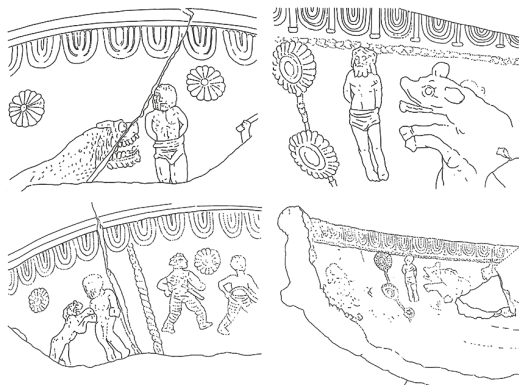
Zvago'skaia A. K. On the Passage Calp. VII, 57–72. *Mnemon. Issledovaniia i publikatsii po antichnoi istorii* (Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World), 2014, vol. 14, pp. 377–386 (in Russian).

Илл. 25. Мозаика из Злитена. II в. Археологический музей Триполи (Ливия)

Илл. 27. Африканская красноглиняная лощеная чаша. 350–430 гг. Музей римско-германского искусства, Майнц (Германия)

Илл. 26. Прорисовки африканских красноглиняных лощеных чаш из различных музеев. 350–430 гг.